

At the 7th (last) subscription concert of A. Ziloti (February 12, Noble Assembly) the previous year's promise to show the public new works by S. V. Rachmaninoff was fulfilled. America knows these works, Moscow knows them, they have been performed here and there in Germany, and only accidental obstacles prevented them from reaching St. Petersburg on time. Incidentally, "The Isle of the Dead" seems to have been performed here too in some second-rate concerts. Under the composer's baton, in any case, it was heard in St. Petersburg for the first time. Op. 27 (2nd Symphony), Op. 29 ("Isle of the Dead"), op. 30 (3rd piano concerto) - that's the whole program; everything from one page of the Rachmaninoff catalogue, and, judging by the opus numbers, from one of the middle, if not the very middle, pages. Interesting, elegant, talented, but for the whole evening a bit monotonous: the spirit of elegies reigns over everything, the penumbras of the minor evenly soften, smooth out the play of colours and determine the tone of the overall impression, despite isolated flashes of energy, strange in their primordial cruelty, despite the rise of cold, despotic stubbornness, so characteristic of Rachmaninoff's sound accretions and developments. The superficial impression and judgment are satisfied with the superficially captured similarity to the musical type of Tchaikovsky. But in the proper musical structure of talent, Rachmaninoff's Tchaikovsky is as uncharacteristic as, for example, "Wagner" is uncharacteristic in the musical type of Richard Strauss. Undoubtedly, the one is present in the former, as the other in the latter, but only as a secondary external detail, so external that something taken for a resemblance in faces, upon further examination, may turn out to be only a similarity of costume, the community of a few external manners. An astonishing poet of "dullness," Rachmaninoff is far removed from that sun-warmed black earth on which Tchaikovsky's luxurious melodic flora could grow. But Tchaikovsky, too, hardly peered into those "limbs" where the intellectual ray finds a new refraction, and where Rachmaninoff's talent is noticeably drawn, with a somnambulist calm and irresistibility. For in his music you hear neither searching, nor striving, nor doubts, nor even the temptation of novelty. It contains a strange power, a magnetic confidence, a complete mastery of both thought and the means of its expression. And in the harmonic, melodic colouring, there is an instinctive predilection for the dull in all its shades, for the half-extinguished in all its tremblings, the artist's love for the lifeless light of a pearl, always sadly alien to the supernatural rays, always locking within itself the secret of underwater illuminations. The spirit that breathes here is not in Tchaikovsky's music, nor are the figures and images created by this new refraction of the ray. Something akin to them can be more readily discerned in the strange psychological nuances of Poe's elegies and ballads, in the eerie novelty of the silhouettes and images of a nightmarish and incredible world, emerging in the drawings of Od[ilon] Redon... At the same time, in Rachmaninoff's music, there is a firm artist, always mindful of the nobility of his art, not stooping to the cheap trade in cacophony for the sake of increased demand, an artist who has the courage to be faithful to his talent, not succumbing to the temptations of "genius." Maturely talented both as a pianist and as a conductor, and in both roles he is equally confident, reserved, calm... A few lines remain to share the impression from the new works performed. Of course, these performances are not enough, just as one concert is not enough to become familiar with the musical richness of what is offered. The beginning of "Isle" is magically beautiful; no one has ever conveyed the calm splashes of the waves so richly, softly, smoothly, and freely. The main theme is beautiful and full of character. This is the kingdom of death; the song of the latter sometimes becomes imperious and menacing, calm gives way to a cold, angry tension. In Böcklin's picture, the clouds and the wind-bent tops of the cypresses also set off the silence and peace of the main plan with their restlessness. The

length of the piece is not its positive quality. In the first part of the piano concerto is gentle and warm, like the melody of a lullaby; the theme still seems enveloped in the atmosphere of "The Isle of the Dead"; the dominant mood of the poem is reflected in this part of the concerto. But in the second part (Intermezzo), the fresh, rich night air of the steppes wafted in; someone was singing, singing incessantly and breathing deeply... Perhaps this impression arose from the similarity of one of the melody's turns to a theme in Borodino's Polovtsian Steppes. The third part, the Finale, is a kind of Carillon; the peals ring out briskly, cheerfully, insistently, but they don't ring of joy—the play of invisible bells and chimes speaks of something else. [Unsigned]

[Translation: Google]

Въ VII-мъ (послѣднемъ) абонем. концертѣ А. Зилотти (12 февраля, Двор. собраніе) было выполнено прошлогоднее обѣщаніе показати публикѣ новыя произведенія С. В. Рахманинова. Произведенія эти знаетъ Америка, знаетъ Москва, исполнялись они кое-гдѣ и въ Германіи, и только до Петербурга случайныя препятствія помѣшали имъ дойти во-время. Впрочемъ «Островъ смерти», кажется, исполнялся и здѣсь въ нѣкоторыхъ второразрядныхъ концертахъ. Подъ управленіемъ компо-зitora его, во всякомъ случаѣ, слышали въ Петербургѣ впервые. Ор. 27 (2-я симфонія), ор. 29 («Островъ смерти»), ор. 30 (3-й фп.-концертъ) - вотъ и вся программа; все съ одной страницы Рахманиновскаго каталога, и, судя по цифрамъ опусовъ, съ одной изъ среднихъ, если не самой средней, страницъ. Интересно, изящно, талантливо, но для цѣлаго вечера нѣсколько монотонно: духъ элегій царитъ надъ всѣмъ, полутѣни минора ров-но смягчаютъ, сглаживаютъ игру красокъ и опредѣляютъ тонъ общаго впечатлѣнія, не-смотря на отдѣльныя вспышки энергіи, стран-ной въ своей первобытной жестокости, не-смотря на подъемы холоднаго деспотическаго упорства, столь характернаго для рахманинов-скихъ звуковыхъ на-ростаній и развитій. По-верхностное впечатлѣніе и сужденіе удовле-творяются внѣшне-схваченнымъ сходствомъ съ музыкальнымъ типомъ Чайковскаго. Но въ собственномъ музыкальномъ строѣ таланта Рахманинова Чайковскій столь же мало ха-рактеренъ, какъ, напримѣръ, нехарактеренъ - «Вагнеръ» въ музыкальномъ типѣ Рих. Штрау-са. Несомнѣнно тотъ присутствуетъ въ пер-вомъ, какъ другой во второмъ, но лишь въ качествѣ второстепенной внѣшней подро-бности, столь внѣшней, что нѣчто, принятое за сходство въ лицахъ, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи можетъ оказаться лишь сход-ствомъ костюма, общностью нѣсколькихъ внѣшнихъ манеръ. Удивительный поэтъ «туск-лаго», Рахманиновъ весьма удаленъ отъ того разогрѣтаго солнцемъ чернозема, на которомъ могла разростаться роскошная мелодическая флора Чайковскаго. Но и Чайковскій почти не заглядывалъ въ тѣ «лимбы», гдѣ интел-лектуальный лучъ находитъ себѣ новое пре-ломленіе, и куда замѣтно, съ сомнамбуличе-скимъ спокойствіемъ и неотразимостью, вле-чется талантъ Рахманинова. Ибо въ музыкѣ его вы не слышите ни исканій, ни стремленій, ни сомнѣній, ни даже соблазновъ новизною. Въ ней странная власть, магнетическая увѣ-ренность, полное обладаніе и мыслью и сред-ствами ея выраженія. И въ колоритѣ гармо-ническомъ, мелодическомъ, инстинктивное пристрастіе къ тусклому во всѣхъ его оттѣн-кахъ, къ полуугасшему во всѣхъ его трепе-таніяхъ, влюбленность артиста въ омертвѣлый свѣтъ жемчужины, всегда грустно чуждой надземнымъ лучамъ, всегда замкнувшей въ себѣ тайну подводныхъ озареній. Не въ му-зыкѣ Чайковскаго духъ, которымъ вѣетъ здѣсь, ни въ ней фигуры и образы, творимые этимъ новымъ преломленіемъ луча. Родствен-ное имъ скорѣе уловится въ странныхъ пси-хическихъ нюансахъ элегій и балладъ Поэ, въ жуткой новизнѣ силуэтовъ и образовъ кошмарнаго и невѣроятнаго міра, проступаю щаго въ рисункахъ Од. Рэдона... При этомъ, въ музыкѣ

Рахманинова, твердый артистъ, всегда помнящій о благородствѣ своего искусства, не опускающійся до дешевой торговли какофоніей ради повышеннаго спроса, артистъ, имѣющій мужество быть вѣрнымъ своему таланту, не поддаваясь на соблазны «гениальности». Зрѣло талантливый и какъ пианистъ, и какъ дирижеръ, и въ той, и въ другой роли онъ является одинаково увѣреннымъ, сдержаннымъ, спокойнымъ... Нѣсколько строкъ осталось, чтобы подѣлиться впечатлѣніемъ отъ новыхъ исполненныхъ произведеній. Конечно, недостаточно этихъ отроковъ, какъ и недостаточно одного концерта, чтобы освоиться съ музыкальнымъ богатствомъ предложеннаго. Начало «Острова» волшебнo-красиво; никто еще не передавалъ такъ сочно, мягко, плавно и свободно спокойные всплески волнъ. Кра-сива и полна характера главная тема. Это царство смерти; пѣсня послѣдней становится иногда властительной и грозной, спокойствіе смѣняется холодно-злымъ напряженіемъ. Въ картинѣ Бѣклина также облака и погну-тые вѣтромъ верхушки кипарисовъ своимъ безпокойствомъ отгнѣняютъ тишину и покой главнаго плана. Протяженность пьесы не составляетъ ея положительнаго качества. Въ первой части фп. концерта ласковая, теплая, какъ напѣвъ колыбельной, тема кажется все еще овѣянной атмосферой «Острова смерти», господствующее настроеніе поэмы отразилось на этой части концерта. Но во второй (In-termezzo) потянуло свѣжимъ, сочнымъ ноч-нымъ воздухомъ степей, кто то поетъ, не-умолкаемо поетъ и дышетъ полной грудью... Можетъ быть подобное впечатлѣніе возникло по сходству одного изъ оборотовъ мелодіи съ одной темой въ Половецкихъ степяхъ Боро-дина. Третья часть Finale-своеобразный Ca-rillon; бойко, бодро, настойчиво переливается трезвонъ, но такъ не звонятъ о радости, - о чемъ то другомъ говорить игра невидимыхъ Колоколовъ и колокольчиковъ.